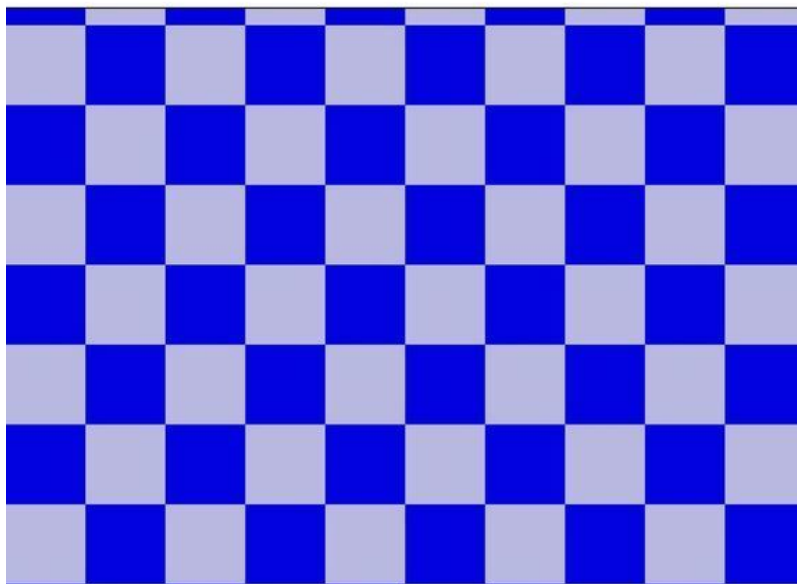

Олег Лукойе

Рокировка

Избранное

Олег Лукойе

Рокировка. Избранное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21617194

ISBN 9785448320750

Аннотация

Поверь, читатель, независимо от того любишь ли ты стихи, или нет, этот сборник не оставит тебя равнодушным. Я пишу стихи, чтобы их можно было и спеть. А песни всегда пишу так, чтобы и читать их было интересно.

Содержание

Рокировка	7
Рокировка	7
Танцор	8
Апостол	9
Чёрные думы	11
Время с горы	12
День сурка	14
Время убиваю	15
Я живой	16
Я мешаю чёрное с белым	17
Гость	18
Дуэль	20
«Мы лето своё разменяли до ржавой трухи...»	22
Надрыв	23
Поколение солнечных зайцев	25
По эту сторону небес	26
Сыну	27
Просят огня батареи	28
Пуля	30
«Почти не осталась сюжетов...»	31
Реквием	33
«Прожил на коленях до стёршихся в пепел менисков...»	34

Очаг	35
Из небытия	36
Тишина	38
Выдумываю правила	39
Всё вернётся к началам	41
«Сколько жизни мне отмерил Бог?...»	42
Тыквенный сок	43
Собачье счастье	44
Развитой сюрреализм	46
Сокровенная вечеря	47
Молочные реки	49
Декадансинг	50
«Возлюбил бы ближнего...»	52
Наказ	54
Коммуналки	56
«Мне вчера приснилось, что я умер...»	57
Лунные волчата	59
Холостяк	60
«А что-нибудь да непременно будет...»	62
Снежный герой	63
«Посвистом ветра таинственным, тихим...»	65
Стойкий оловянный солдатик	66
Ветер	68
«В день пресветлый, пресвятой...»	69
Эхо	71
Многоточия	72

Многоточия	72
Осеннее небо	73
Всё станет таким как было	74
Искра надежды	75
«Я верю в зарю востока...»	76
Колыбельная Алисе	78
Элегия	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Рокировка Избранное Олег Лукойе

© Олег Лукойе, 2017

ISBN 978-5-4483-2075-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рокировка

Рокировка

Во мне давно две сущности сидят:
Печальный лирик и циничный клоун.
Они друг-друга поедом едят.
Один – вульгарен, злобен, избалован...

Второй – поэт, романтик и аскет!
Живёт почти безропотно и слёзно.
И приглашению на праздничный банкет
предпочитает пялиться на звёзды.

Их выходки калечили мой нерв,
противоречьем разрывали сердце.
И я влюблялся в ненавистных стерв,
шампанское закусывая перцем.

И вот освобождаюсь я от пут!
Пускай отныне, в этом мрачном мире,
в согласии и радости живут
Печальный клоун и Циничный лирик.

2008

Танцор

Танцор вымеряет каждое па,
двигаясь в ритме танго.
Под каблуками хрустят черепа
тех, кто не вышел рангом.

И каждый его уверенный шаг —
гарантия праведных действий.
Ему не важно, кто брал рейхстаг.
Причины не терпят следствий.

Танцующий танго доволен собой
на глянцевой глади асфальта.
Он в прошлой жизни был чёрным рабом.
Он будет золой Бухенвальда.

Он ловит свой звёздный час.
Он мстит за то, что случится не скоро.
И в следующей жизни, узнав палача,
он узнает танцора...

2013

Апостол

В тот вечер смурной я не выпить не мог.
А рак на горе, возьми да свистни...
И поднял я душу свою как Бог.
На тысячу грамм над уровнем жизни.

Я был капитаном попавшим в шторм.
Накрытым волной. Девятым валом.
Я нёс на закуску чистейший вздор
и пол-бутерброда с копчёным салом.

Я шёл наугад. Раздвигал дома,
маршрут доверяя знакомым звёздам.
Меня не пугала сума и тюрьма.
На этой вечере я был апостол.

Я сам для себя был Иисус Христос.
И сам для себя я был Иудой.
Я каждую блядь целовал взасос...
Но брезговал пить из одной посуды.

С рассветом душа вернулась в чулан.
А с нею и я... В свой тихий омут.
Не будет больше таинственных стран.
Я снова надолго впадаю в кому...

Я просто, в тот вечер, не выпить не мог.

Меня душила моя квартира.

Я поднял душу свою как Бог...

На целый литр над уровнем мира!

2011

Чёрные думы

С неба падает лунная крошка
на просмоленный черный город.
Завывают ветра истошно
и швыряют кленовый ворох.

Октябратскими звёздами листьев
залепило квадраты окон.
Подворотни пугают свистом.
Город словно забыт Богом.

Снова чёрные думы о смерти...
Камень в душу... На плечи – горы!
Может быть это просто ветер?
Ну а может, сирена скорой...
2012

Время с горы

Время с горы камнем.
Солнцем горят грани.
Это мой врач давний.
С юности самой ранней.

Полночь пронзит сумрак,
лунным поддев рогом.
Кто-то опять умер...
Кто-то родился снова...

Время сомнёт в точку
всё, чему срок вышел.
Или порвёт в клочья
небо над самой крышей.

Камень с горы ближе.
Рокот его громче.
Осень хвостом рыжим
путает след гончим.

Врем с горы катит.
Давит собой ближних.
Этой горы хватит
на сто эонов с лишним.

2012

День сурка

Снова под вечер хоронится солнце в лесу.
Завтра оно воскреснет на день сурка.
Ты разогреешь на ужин вчерашний суп.
Вот уж, действительно, всё в наших руках.

Прожит ещё один незабываемый день.
Выпито-съедено пять килограммов еды.
Где-то в конце тоннеля нас ждет эдем.
Ну а в начале конца дожидаемся мы.

Семь миллиардов сурков и для каждого свой
неповторимый и незабываемый день.
Радость порою такая хоть, волком вой.
Но почему-то не воется... Видимо, лень.
2013

Время убиваю

Время убиваю игральными картами.
Дымом отравляю, топлю его в кружке.
Оживлять пытаюсь нояблями-мартами...
Девочка шоссейная предлагает сушку.

Может не взролею, или просто глупый —
в даты календарные словно по мишеням.
Месяцы... Годы... Сваливаю трупы...
В зеркале вижу итоги сражений.

Плотно упакован костями и жилами.
Кожа отражает минутные стрелы.
Отмечаю сбитые даты морщинами.
Украшаю голову серебристо-белым.

А на небе солнце мается весной,
щедро рассыпается травой зеленой.
Мне бы отстреляться и родиться снова.
Вспомнить как делал рогатку из клена.
2012

Я живой

От начала до края земли
размотался клубок дорог.
Комом в горле последний блин...
Не поверил в меня мой Бог.

Растворился в голодной зиме
сорок пятый огарок лет.
Предоплата за то, что сумел
не пропить золотой рассвет.

То что ты называешь жизнь,
для других – погребальная лесть.
Дали жизнь, так давай, держись!
За хребет, да за то, что есть.

За небесный луч ухвачусь
и скручу про запас в клубок.
Я живой... Это просто грусть.
Жаль не верит в меня мой Бог.
2012

Я мешаю чёрное с белым

Я мешаю чёрное с белым,
чтоб строфа не смердила фальшью.
Я плачу не рублём, а верой
и меняю «быстрее» на «дальше».

Я ещё не порвал ласты.
Те, что мне предстоит склеить.
Уберёт меня Бог от власти,
да и честно сказать от денег.

Но зато у меня есть вера.
И ещё у меня есть порох.
Я умею беречь нервы.
Я не буду судить вора.

Мой удел и моё дело
до сих пор даже мне неизвестны.
Я умею чернить белым,
из ледышек складывать песни.
2010

Гость

То ли сказка, то ли быль.
Было в доме тепло, светло.
То ли в золото, то ли в пыль
билась бабочка о стекло.

Восходила звезда зарёй
и ложилась на верный курс.
В синем небе парил орёл,
вольной воли почуя вкус.

То ли песня, то ли стих
бился бабочкой о стекло.
Коль позвали в гости – иди!
За хозяйским гуляй столом!

Небо куталось в облака
и смывало дождями пыль.
Величаво горел закат.
Засыхал у крыльца ковыль.

То ли сени, то ли клеть.
Билась бабочка о стекло.
А свече суждено сгореть.
Пред иконой отбить поклон.

Волчье солнце взошло в ночи.
Было рюмочно на столе.
Ели с мёдами куличи.
Тошно бражнику во хмеле.

То ли сказка, то ли быль.
Догорела свеча к утру.
Сбились крылья в прах и пыль.
Не пришлась видать ко двору.

Утро плакало за рекой.
Плыли по небу корабли...
Провожали гостя домой
две лопаты, да горсть земли.
2012

Дуэль

Каждую ночь притворяюсь мёртвым,
чтоб обмануть время.

Словно упрямый, азартный ребёнок,
я увлечён дуэлью.

Время в меня дробью, картечью,
очередями, стрелами...

Я, когда делать совсем уже нечего,
водкою... Сигаретами...

Время подранит, время залечит.
время – добряк-убийца.
чтобы не мёрзнул, время на плечи
кинет охапку листьев.

Время всё также стреляет искусно,
я же, всё чаще, мажу.
Да и в обойме моей не густо...
Хочется всяких поблажек.

И притворяясь убитым, упавшим,
я сочиняю песню:
время контрольным жалеет спящих,
если играли честно.

2010

«Мы лето своё разменяли до ржавой трухи...»

Мы лето своё разменяли до ржавой трухи.
На нашем окне нарисована пальцем разлука.
В безмолвии лунном я снова кропаю стихи...
О чём-то своём неземном и, наверное, глупом...

О том как меня поведут босиком на расстрел
и будут стрелять из рогаток декабрьским снегом...
О том как, когда-то, я был до безумия смел.
И даже во сне разрабатывал план для побега.

А окна домов смотрят нагло глазами блядей.
И я, как могу, отбиваюсь. Я просто спиваюсь...
Не верю я в царство небесное... В царстве людей.
Во что же я верю? Я верю? Да нет... Сомневаюсь...
2012

Надрыв

Который день канючит дождь...
Дела ни к чёрту.
И блики тусклых фонарей,
в осколках луж,
так безнадежны и пусты...
Размыты, стёрты...
Со стен заплаканных домов
«стекает тушь».

По пачке в день... Который год
никак не брошу.
Не сосчитать моих
загубленных коней.
Да я и сам, давно,
как загнанная лошадь.
Хрипящей злобой,
ненавидящий людей.

Я словно жду, что надо мной
порвутся стропы.
Ухмылкой жалкой
имитирую оскал...
Где тот мальчишка озорной,
наивный, добрый,
что улыбался

отражениям зеркал?
2009

Поколение солнечных зайцев

Нас зачали под немецкое порно.
Нас растили в одном инкубаторе.
Заливать содержимое в форму
мы умеем от Москвы до Анадыря.

Наше место в театральном буфете.
Наше время в могилах под плитами.
Беспризорные, взрослые дети.
В девяностых случайно забытые.

Нам на всё про всё хватает двух пальцев.
Наши уровни знания пройдены...
Поколение солнечных зайцев,
безвозмездно любившие родину.
2012

По эту сторону небес

Осенний студень в облаках
замешан на воде и ветре.
Нас утопили в чашке Петри
по доброй воле Рыбака.

Напрасно путали следы,
примерив хищные повадки.
Мы проиграли Богу в прятки.
Купились на осенний дым...

Растратив жизнь на политес,
под толщей мутного бульона,
нам стало приторно-солёно
по эту сторону небес.

И вот с тревогой ждём блесну,
но всёж надеемся на чудо...
В удачу веруем, покуда
на леску вешают луну.

2011

Сыну

Плачь, малыш! Реви, не стесняйся
своих чистых, мальчишеских слёз.
Не пустяк, коль у доброго зайца
оторвался пластмассовый нос.

Вот уж горе, действительно, горе.
За немало прожитых лет,
знаю много печальных историй.
Видел много серьёзных бед.

Плачь, Малыш! Не скрывай досаду!
Громче плачь! От души и впрок.
В жизни, всё-таки, лучше падать,
чем катиться как колобок.

Плачь, малыш... Скоро станешь взрослым.
Не однажды расквасишь нос.
Будет что-то казаться серьёзным...
Но поверь мне, не стоящим слёз.
2009

Просят огня батареи

Полночь, а мне не спится.
Дождь по стеклу фасолью...
Кто-то скрипит половицей.
Может, старуха с косою?
Или душа обрюзгшая
бродит по дому мается?
Прячась за шторой плюшевой,
на беспросветность пялится.

Тянется долго время,
если совсем не спится.
Висельным скрипом реи
режет мой слух половица.
Светит в глаза закрытые
сквозь занавеску улица
Тыщи баранов посчитаны...
Я закурил... Не курится...

Месяц прошёл дождями.
Жизнь пролетит фанерой.
Видимо я невменяем,
если не принял меры.
Я не зову не плачу,
даже, почти не жалею...
Час мой ещё не назначен

Просят огня батареи.
2013

Пуля

У каждой пули свой полёт.
И, даже, свой резон.
Пока летит, она живёт.
Таков её закон.

Она, зачатая в стволе,
рождается на свет.
И миг полёта, по шкале,
для пули целый век.

Она не выбирает путь.
Её ведёт стрелок.
В висок ли, в воздух, или в грудь...
Всеми всегда свой срок!

У каждой пули цель своя.
Свой путь... И даже век.
Но по законам бытия
итог один для всех!
2011

«Почти не осталась сюжетов...»

Почти не осталась сюжетов,
способных как встарь удивить.
Почти не осталось поэтов,
не знающих как нам жить.
А солнце всё меньше и небо всё уже —
их можно закрыть платком.
И с грязью смешать в придорожной луже...
Бессовестно и легко.

Почти не осталось запретов —
всё дело в цене на билет.
Авансом прощён, исповедан
со скидкой на десять лет.
А «звёзды» всё гаже и небо всё ниже —
плевком достаём уже...
Плебеи уснули в коньячной жиже,
и праздник уснул в душе.

Почти не осталось надежды
на то что, надежда есть.
Что люди пока всё те же
и помнят про «хлеб» и «днесь».
Ведь небо есть небо и смотрит с улыбкой
на диких своих детей.
И время всё также катает глыбу,

не зная других путей.

2014

Реквием

Прощайте все... Я покидаю Землю.
По жёсткой резолюции врача.
Зал ожидания – комната с постелью.
Рецепты... Морфий... Полусладкий чай.

До отправления уже недолго.
Запреты сняты и теперь мне можно всё.
Мне хорошо, друзья... Тоскливо, только.
И даже, «медицинский» не спасёт.

Так что же Вы грустите понапрасну
и виновато прячете глаза?
Ну что плохого в том, что жизнь прекрасна,
а статус мой распишут небеса?

Мой срок прошёл. Пора покинуть Землю.
Так требует небесный этикет:
Стать среди вас, лишь, безучастной тенью
и нашим предкам передать привет...

2009

«Прожил на коленях до стёршихся в пепел менисков...»

Прожил на коленях до стёршихся в пепел менисков.
Нажил гематомы на лбу, животе и плечах.
И стало казаться, что небо достаточно низко.
Что можно залезть на него и войти без ключа.

Но небо, по-прежнему, было доступно лишь птицам,
сварливым воронам и даже фанерным листам.
И словно смеялось над немощью пыльных провинций,
навек прижатых домами к дремучим местам.

Прожил и узнал – водевили кончаются драмой.
Что в общем нормально, как первый бракованный блин.
Дождливый рассвет уместился в дорожную яму...
Сменил непогоду на два кубометра земли.

2014

Очаг

Солнце ныряет в холодную прорубь дома.
В лютую стужу погашенного очага.
Мёртвый клинок ножа предназначен живому,
если живой недостаточно крепок в ногах.

Время венчаться и время заказывать марши.
Время сражаться и время лежать золой.
Мир познаётся посредством гадальных ромашек.
Жизнь познаётся в стремлении жить назло.

Звёзды сгорают как пух на ночном небосклоне.
Их уже нет, но мерцает их призрачный свет.
Если любил, то сумеешь согреть в ладонях
зимнее солнце на сто миллионов лет.

Время прощаться и время родиться снова
и загореться светом в её очах...

Солнце пронзает стены холодного дома.
Жизнь возвращается, чтобы зажечь очаг.

2013

Из небытия

Я помню туманность лиловых галактик
И свет хризолитовых звёзд...
Я помню медуз в сине-огненных платьях
и над океаном мост...

И где-то, за небом, я чувствовал радость
сквозь струи тончайших сфер...
Я был там один, но мне так казалось,
со мной разговаривал свет.

Тогда я не знал... Я был просто уверен,
что это реальный мир.
В нём всё абсолютно. Пространство и время.
И светом пронизан эфир...

Вокруг тишина, только чувства и мысли.
Я лёгок... Почти невесом...
Так странно... Я вроде в заоблачной выси...
И в море с коралловым дном.

Последнее помню – свой крик и обиду.
И тяжесть телесных мук.
Меня изгоняли из этого мира
накатами боли потуг...

Невидимый голос пронзительней тока
добавил мучительных ран:
«Ну кажется всё, родила, слава Богу!
Однако, крикливый пацан!»

2010

Тишина

В небо пялятся озёра чистыми глазами.
В лазуритовом бульоне варится июль.
Дураки, не спорьте! Вы под образами.
Вам не увернуться от небесных пуль.

Своды перламутра окружили поле.
Ветер деликатен и не любит слов.
Дураки, не спорьте! Будут все довольны.
Каждому достанется золотых даров.

Каждого достанут праздники и будни.
Только помолчите. Снова вам о том...
Дураки не спорьте! С вас ведь не убудет.
Каждого, бесспорно, наградят крестом...
2010

Выдумываю правила

А жизнь опять заставила
бороться с одиночеством.
Выдумываю правила
и похмеляюсь творчеством.

Попутчица постельная
от тамбура до станции
со мной лакала зелие,
но не смогла остаться.

Пропитан я до печени
дымами паровозными.
От тамбура до Млечного
шипы по сердцу – розами.

Статейку подрасстрельную
в свои добавлю правила
и новыми апрелями
расправлюсь над феврАлями.

От тамбура до Млечного
я никуда не денусь.
До приступа сердечного
храню любовь и верность.
2010

Всё вернётся к началам

Я не жду ничего от январского неба.
Да и небо не ждет ничего от меня.
Притворился луной парафиновый слепок.
Помолчу до утра, в ожидании судного дня.

Ослепляя глаза изможденным рассветом,
зря пытаюсь читать белизну потолка.
И вопросы опять не дождутся ответов...
Вместо сахара в кружку бросаю золу мотылька.

Я не жду ничего от весенней капели.
Я не жду ничего от осенних дождей.
Мы живем на бегу, а догнать не сумели
предрассветную нежную лень предзакатных теней.

Я привык к холодам и замерзшим причалам.
Я привык к городам, к сумасбродству живых.
Через тысячи лет всё вернется к началам.
И нелепые строки продолжают затейливый стих.

2013

«Сколько жизни мне отмерил Бог?..»

Сколько жизни мне отмерил Бог?
Может, на полтысячи стихов?
Может, на полтысячи дорог?
Или, может лишь, на семь грехов...

Сколько веры мне отмерил бес?
На пять сотен промахов души...
На четыре выстрела небес..
Или, может лишь, на семь аршин?

Сколько счастья мне отмерил рок,
или что там отмеряют нам?
Может быть на сорок тысяч строк?
Или, только, на глоток вина?

Сколько мне отмерено любви,
если я в неё почти не верю?
Знаю точно – на одну потерю!
От клинка ржавеющей зари...

2013

Тыквенный сок

Кто то делает вид, что не верит.
Кто то делает наоборот...
Кто то верует в чудо из перьев
и моря переходит вброд.

Каждый прожитый день – в осадок.
Фейерверков огни – золой.
На воде нарисовано завтра
и дорога обратно... Домой...

Принцы Золушек люди как люди.
Каждый умник порою дурак.
Кто-то истово верит, что любит.
Кто-то знает, что это не так.

Каждый принц надевает тапки.
И, ослабив на шее лассо,
каждый день вместо кофе на завтрак
пьёт сбродившийся тыквенный сок.

...Из потерянных тувель на завтрак
пьёт сбродившийся тыквенный сок.

2014

Собаچه счастье

Давит ошейник,
но в сытости брюхо
и в будке сухо.
Право на голос имеет
и вроде при деле.
Предан как пёс,
даже, соседским сукам.
В общем и целом доволен
жизнью кобельей.

Но отчего-то,
до смерти тоскливо
от лунной морды
Взвыл бы как прежде,
да только за это
побьёт хозяин.
Чёрный сапог его
словно булыжник твердый.
Право на голос – можно,
правду – нельзя.

Что же вы люди
никак не поймёте печали,
люющей
мертвенным светом

из чёрной пасти.

Черной как старый сапог,
что бросает хозяин.

Пахнущей лесом и горьким
собачьим счастьем.

2013

Развитой сюрреализм

На десять школ – двенадцать кабаков.
На десять безработных – десять шлюх.
На десять пьяниц – двадцать стариков.
На десять женщин – сорок пять старух.

На десять тысяч нищих – казино.
В любое время года катаклизм.
Пускай идёт не так, как решено.
Мы строим развитой сюрреализм.

На десять олигархов – полстраны.
На сто министров – тысячи невежд.
И ни одной доказанной вины
На МИЛЛИОН украденных надежд.
2007 г.

Сокровенная вечеря

Выпей крови стакан, похмелись!
Да не бойся, сегодня можно.
Ты бледней, чем тетрадный лист.
Подставляй, я вскрываю кожу!

Пей, упырь, мой томатный спирт.
Это круче кровавой мэри.
За любовь и за этот мир...
Что был вытошнен морем на берег.

Вкус, конечно, совсем не тот.
Но зато, непременно торкнет.
Не криви свой клыкастый рот!
На, занюхивай хлебной коркой!

Пей ещё, подставляй стакан!
Нет, из горла не дам! Я гордый...
Расскажи-ка мне лучше, что там?
За стеной печи крематорной?

Дал подписку... Ну что ж, прости...
Цену слов я не хуже знаю.
Я умею их в рифму плести.
Преисподню сплетая раем.

Мы сегодня с тобой. Сидим...
Завтра в церкви поставлю свечку...
Не забудь перед главным своим
за меня замолвить словечко.

2010

Молочные реки

С неба переполненного падают звёзды за край.
По реке молочной уплывает вдаль корабль.
И луна копеечкой медной катится по крыше вселенной.
Осень кашемировым пледом укрыла декабрь.

В тишине исполненного вечера скрип половиц.
В часиках песочных время отбывает срок.
Адвентисты хмурого утра дарят за пустую посуду
нимбы разноцветные людям у станций метро.

Сердца успокоенного слышится кодовый стук.
Мне уже не страшно уходить за край земли.
Где текут молочные реки через мириады созвездий.
И куда уходят навеки мои корабли.

2013

Декадансинг

Что-то небо сегодня мутно.
Что-то небо похмельно тяжко.
То ль в осадок выпало утро,
то ли это в моей душе...
И партнёрша по камасутре
крепко спит с оголённой ляжкой.
Пряча контуры и ландшафты
в чуть поношеном неглиже.

Отчего же мне так постыло
и в душе словно в пыльной рюмке,
если кончились сигареты
и циклоны тут не причём?
Тыщи лет на земле унылой
по утрам кто-то ищет брюки.
Так бывало, так есть и будет...
Этот утлый мир обречён.

Хоть Содомом, а хоть Гоморрой
называйте наш славный город.
Здесь проспекты болеют шанкром,
а в подвалах едят собак.
Смотрит небо, почти с укором,
как у нищих воруют фору,
а заплёванные трущобы

ждут участников пьяных драк.

Шелестят на ветру осины.

Акапеллой поют вороны.

На полотнище бело-синем
расплескался портвейн «Кавказ».

Был Содом... Была Хиросима...

Ждут осины своих героев.

Небо! Дай мне немного силы,

чтоб увидеть тебя в анфас.

2011

«Возлюбил бы ближнего...»

Возлюбил бы ближнего,
да не получается.
Ближнюю – случается...
Да и то не факт.
В тёмном подреберье
мается... Вздыхается...
Вечно сомневаюсь я,
в храм или в кабак.

Щёку бы подставил я
и простил обидчика,
да не подставляется,
вот ведь в чём вопрос.
Эй, миряне-граждане,
спрашиваю каждого:
если б не Иуда,
где бы был Христос?

Лешими да ведьмами,
вепрями да змеями,
чистыми рассветами
разбавляют мир.
Через звёзды к терниям.
Без любви... со стервами...
Вечные сомнения —

честь или мундир.

Ухватить бы облако
светлое, далёкое.

И, хотя бы, волоком
прочь из этих мест!

Мне не нужно лишнего.

Знаю, не простишь меня...

Где прощают ближнего,
вырастает крест.

2011

Наказ

Ты явилась на свет голой.
Беззащитной, слепой птахой.
Привыкай, моя радость, к боли.
Привыкай, моя боль, к страху.

Ты явилась такой гордой,
в одиночку играть миром.
Привыкай, что твоим домом
станет угол чужой квартиры.

Ты явилась на свет чистой,
чтоб понять глубину бездны.
Выбирая критерии истин,
помни, ангелы те же бесы.

Ты явилась искать счастья,
прикрываясь своей надеждой.
Твой наряд разорвут на части.
Привыкай, быть простой грешной.

Ты явилась, чтоб быть любимой.
И врасдая в свою нишу,
привыкай забывать обиду.
Привыкай становиться лишней.

Ты явилась сюда вольной
и обратно уйдёшь также...
Увлечённое новой ролью,
станет небо на миг старше.
2010

Коммуналки

В кирпичных гробах распахнуты пасти.
На крышах антенны-кресты.
Семейный очаг коммунального счастья
сгорел и почти остыл.

На общей плите лиловое пламя
ощерилось вечным огнём.
Картошка... Бельё... Здесь сушат и варят.
И могут сожрать живьём.

Опухший рассвет похмельного утра...
Звереет синюшный закат...
Недели... Года дробятся в минуты.
И с грохотом падают в ад.
2011

«Мне вчера приснилось, что я умер...»

Мне вчера приснилось, что я умер.
Снилось мне, как я лежал в гробу.
За столом, поодаль, пили люди.
Говорили про мою судьбу.

Говорили хорошо, но ввали.
Выдавали пешку за ферзя.
Мне бы встать и дать бы им по харе...
Но я умер, значит мне нельзя.

Я лежал, не мог пошевелиться.
Но во сне я знал, что я живой.
Знал, что это сон и мне, лишь, снится...
Беспробудный пир за упокой.

И когда несли, я видел небо.
А на небе видел облака...
Мне бы встать и разразиться смехом.
Но я мёртвый... Мне нельзя пока.

Стало тошно только на погосте.
Люди ввали снова до пьяна...
И когда вколачивали гвозди,

я проснулся и послал всех НА...

2011

Лунные волчата

Солнечные зайчики прыгают по стенам.
По ковру и люстре и по книжным полкам.
Нечего бояться, не от кого бегать.
Их не растерзают солнечные волки.

И в сметану с луком им попасть не светит.
Их не напугает ни сова ни филин.
Потому и рады солнечные дети.
Каждому желают, чтоб и вы так жили.

Солнечные зайчики не грызут коренья.
И в волшебных норках крепко спят ночами.
И не могут видеть грозного видения —
как растут и крепнут Лунные волчата.
2013

Холостяк

В день по чайной ложке никотина.
Смерть кобыле... Для меня – пустяк.
Брюки – парусами бригантины...
Аватар – идейный холостяк.

Утром, кофе обжигая губы,
расставляю знаки по местам.
Минусы – невымытой посуде.
Плюсы – непророщенным рогам.

День в работе, да в друзьях-подругах.
Много дел и прочей суеты.
Беготня по замкнутому кругу
с тлеющим предчувствием беды.

Вечер... Ночь... Размытые границы.
Блеклая туманность перспектив.
Чередой сменяемые лица
и слегка смущённое: прости...

Утром, снова, растворимый кофе.
Сердца стук. Заигранный мотив.
Чувство приближенья к катастрофе —
механизм сработает... И взрыв.

2009

«А что-нибудь да неприменно будет...»

А что-нибудь да непременно будет.
Так не бывает, чтобы ничего.
За глупость человека не осудят.
Простят его, за то что был живой.

Простят ему, что жил в тени сомнений.
И если плохо вел себя в гостях,
простят за то, что хоть во что-то верил.
Хотя... и за неверие простят.

И что-то обязательно случится.
Так не бывает, чтобы ничего.
Для каждого свой крест и плащаница.
И, даже, лунный нимб над головой...

Не так уж важно, что там будет далее.
Примеривая новое лицо,
боюсь лишь одного, что в зазеркалье
останусь я невеждой и глупцом.

2012

Снежный герой

Утро. На улице снег и ветер
перестеляют постель...
Лупит по стенам холодной плетью
белой зимы метель.

Снежная мгла обвела квартиру
белым квадратом окна.
Белая бездна – угроза миру.
В метеосводках – война.

Кухня встречает меня эспрессо.
Зноем тропических стран.
Солнца глоток... На десять песо.
Чакры кипят от пран.

Пойман кураж. Иду в наступление.
И благороден мой гнев.
Я выступаю без страха и лени
снежных топтать королев.

В латах из пуха, идите к черту,
я принимаю бой.
Я полюбил эту погоду!
Я здесь почти герой!
2009 г.

«Посвистом ветра таинственным, тихим...»

Посвистом ветра таинственным, тихим
вечер разносит цветочные запахи.
Окон зеницы – медяные блики —
солнечный свет провожают на запад.

Ты не грусти, что уже не вернется
солнечный призрак последней иллюзии.
Тот, кто придумал для нас это солнце,
знает о том, что мы, все-таки, люди.

Тот, кто придумал для нас этот ветер,
тот, кто придумал для нас эти праздники,
нам умереть не позволит до смерти.
Нам не дожить не позволит ни разу.
2012

Стойкий оловянный солдатик

Под горячим, живым солнцем
пахнет небом моё время.
Выдыхаю свинец и стронций.
Добываю любовь треньем.

Я надену на тусклый вечер
золотую корону взрыва.
Не утянет меня к вечным,
даже, сам многорукий Шива...

Я верчусь под Луной в койке,
наслаждаясь твоим телом.
Оловянный солдатик стойкий...
Если любит своё дело.

Словно к зверю, с ножом чухонским
не спеша, подбираюсь к смерти.
Добываю огонь для солнца,
упираясь в попутный ветер.

Над воздушным твоим замком
будут вечно сгорать звёзды.
Я тебя проведу в дамки.
Я для этого был создан...

2013

Ветер

Ветер шил осенними дождями
золото-рубиновый узор.
Плавно серебристыми крылами
расписал ворот небесных створ.

Пьяно пролетел по переулкам,
выметая вздор и всякий хлам.
К вечеру уснул в подъезде гулком,
завершая важные дела.

Он проснётся рано на рассвете,
лёгким вдохом проглотив туман,
закружит листвой на радость детям
и заглянет в чей-нибудь карман.

Напитавшись запахами неба,
чтобы стать от этого пьяней,
он опять пропишется на время
в непутёвой голове моей.

2009

«В день пресветлый, пресвятой...»

В день пресветлый, пресвятой
я гуляю руки в брюки.
И выписывая трюки,
из пивной иду домой.

С укоризной на меня
смотрят люди и собаки.
Вот вам всем! Не будет драки.
Пил коньяк сегодня я.

Ветер гонит облака.
Будет дождь. Возможно с градом.
Только мне он как награда
за плененного врага.

Церкви в касках золотых
грозно машут мне крестами.
Да Господь со всеми вами!
Мне сегодня до балды.

День пресветлый пресвятой...
Я гуляю как придется.
Я с женой своей развелся.
Значит, снова холостой!

2012

Эхо

– Летает по небу крылатое отренье
и поголовно гадит на царей.
Велик Всевышний, но скажи мне, ребе,
зачем поэтам жить среди людей?

Не пашут землю и не строят хижин,
но им дают и пищу и приют.
Скажи мне, ребе, почему ярыжник,
живет как будто он уже в раю?

Седой раввин молчал как Иегова.
Затем сказал – «Шалом тебе, еврей.
Ты знаешь, что вначале было Слово,
поэты его Эхо!... зохен вей»...
2012

Многоточия

Многоточия

Осень кидает в закат разноцветные листья.
Тени по жухлой траве поползли на восток.
Лето ушло незаметно... почти по английски.
Шлейфом цепляясь за брусья оконных крестов.

Ветер норвежских морей лижет рваные клочья.
Стало пустынно. На небе застыла печаль.
Замерли звуки. Слова превращаются в строчки.
Те, что крадут мои вещие сны по ночам.

Строки стихов и молитв очарованы тенью.
Ввысь поднимаются, словно невидимый мост.
Там, наверху, разлетаясь в свободном паденье,
медленно тлеют во тьме многоточием звёзд...
2009

Осеннее небо

Хною красится листва клёна.
Улетают журавли клином.
Затянуло небеса флёром.
Наполняется душа сплином.

Лес омыт, отпет... Но всё ж дышит.
И в квартире всё ж не так душно.
Небо стало от дождей ниже.
Пуще прежнего плюёт в лужи.

Ночи осенью горят ярче.
И отчетливее путь млечный.
Небо осенью от нас прячет
легкомыслие. И тем лечит.
2016

Всё станет таким как было

Когда-нибудь этот нелепый мир
наскочит на край вселенной.
Планеты и звёзды слетят с орбит.
Размажутся чёрной пеной.

И скажет Творец: «Да и черт с тобой» —
Устало махнув рукою. —
«Устал я вести этот вечный бой.
Хочу, хоть немного, покоя»

И вспыхнет тьма... И не грянет гром...
Всё станет таким как было.
Таким как было давным-давно...
За час до Большого взрыва.
2016

Искра надежды

Утро клинком янтарным
вскрыло аорту неба
и оросило кварталы
светлой и тёплой негой.

Брызнуло птичье счастье
щебетом, свистом, звоном.
Купол небес Причастие
дарит всему живому.

Утро влетает в окна
в неповторимом лике.
Каждое утро подобно
новой странице книги.

Вспыхнет искра надежды.
Вера раздует пламя.
Этот пожар неизбежно
снова случится с нами.
2016

«Я верю в зарю востока...»

Я верю в зарю востока,
как верит дурак в вождей.
Что город, убитый током,
вдохнёт в себя новый день.

Растащит его на части
по окнам своих домов.
И солнце червоной масти
заменит ему богов.

В лоскутной заре пьянея,
на север летят ветра.
Веселую ахинею
несут воробьи с утра.

Ты смотришь на свет спросонья.
Беспомощно, как дитя...
И небо, раскрыв ладони,
ласкает лазурный стяг.

Так славно плывёт над миром
беспутная блажь времён.
Мы впустим её в квартиру,
всего лишь, открыв балкон...

2016

Колыбельная Алисе

Милая, ты не умрёшь.
Ты уйдёшь в зазеркалье.
Смерти нет.
Её просто не может быть.
Путь туда
это выход из детской спальни.
Смерти нет.
Есть потеря желания жить.

Милая, там за стеклом
вечный мартовский заяц
варит чай
из осколков мятежных лун.
Там цветёт
плод фантазий чеширских пьяниц —
блудный кот,
или попросту кот баюн.

Милая, ты будешь жить
в зазеркальном эдеме.
Не болеть...
Там и старости тоже нет.
Зеркала...
Изменяют пространство и время
Там закат

переходит за миг в рассвет.

Милая, нет... Тебе кажется...

Я не плачу.

Просто, я...

Не могу третью ночь уснуть.

На стене,

видишь, прыгает лунный зайчик.

Засыпай...

В Зазеркалье далёкий путь.

2016

Элегия

Надену венки из хрена.
По лужам пройду пешком.
В печали о мире брэнном
порадую вас стишком.

Тоскует по спинам плётка.
О шее грустит петля.
Свой век коротаю кротко.
Срываясь, порой, на «бля»

На нервах играл в миноре.
С мажорами был в ладах.
Тащил свою лодку к морю.
А смог дотащить до пруда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.